

derzhavnoho pedahohichnoho universytetu imeni Ivana Franka. Filolohichni nauky (movoznavstvo). (Vols. 3), (pp. 238-244). Drohobych: Drohobych [in Ukrainian].

Solodova, O.S. (2008) *Linhvokohmityvni kharakterystyky kompozytsii tekstu anhliiskyykh kazok Dzh. K. Roulingh [Linguistic and Cognitive Characteristics of the Composition of the Text of J.K. Rowling's English Tales]* Kharkiv: Khark. nats. un-t im. V. Karazina[in Ukrainian].

Vinogradov, V.V. (1963) *Stilistika, teoriya poeticheskoy rechi, poetika [Stylistics, theory of poetic speech, poetics]*. Moskva: Akad. nauk SSSR [in Russian].

Marchand H. *Phonetic Symbolism in English Word Formation. Indogermanische Forschungen. Bd. 64. Hf. 2. S. 146-168; Hf. 3. S. 256-277.*

Oittinen R. *Translating for Children. New York and London : Garland Publishing, Inc., 2000. 205 p.*

Стаття надійшла до редакції 02.04.2021

УДК(811.16+811.161.1)'373.6

ЗАМЕТКА О СЛАВЯНСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Александр Илиади

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методик дошкольного и начального обучения Центральноукраинского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченко, Кропивницкий, Украина
e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются две словообразовательные модели, функционирующие в системе славянской диалектной деривации имён: 1) -da, -anda, -enda, -inda, -onda, -unda, -unda; 2) -om(a), -omla (в основном, в восточнославянском ареале). Парадоксально, что в исследованиях, посвящённых словотворчеству существительных в славянской диалектной речи, эти суффиксальные словообразовательные типы упорно не замечаются. Возможно, указанные формативы не были выделены как самостоятельные средства деривации по причине зачисления содержащих их слов в разряд экспрессивных лексем, которым свойственны фонетические трансформации, ведущие к отклонениям в структуре, «мутации» исхода. Автор обосновывает генезис обеих серий формантов морфологизацией фонетических явлений, которые, выйдя за рамки диалектных звуковых процессов, получили статус словообразовательных средств.

В отношении некоторых производных на -om(a) отмечается проблематичность разделения случаев, где -om(a) показывает усечение указанного форманта, и примеров сохранения старых суперлативов с суффиксом -m- или же прилагательных с вовлечённым в сферу десубстантивного словообразования суффиксом причастий -om-.

Ключевые слова: суффикс, словообразование, славянский, диалект, дериват.

Введение. До сих пор вопросы генезиса и правил функционирования некоторых славянских словообразовательных моделей остаются «обойме» актуальных вопросов славистики. **Их разработка важна для интересов славянской этимологии, исторической морфологии славянского слова и славянской диалектной деривации имён.** Обозрение этих вопросов даже в самом общем виде – задача для научной публикации иного, монографического жанра, потому мы не ставим такую цель в предлагаемой статье. Напротив, тут формулируется задача **проблема практического свойства – этимология двух славянских формативов и описание лексики, образованной при их посредстве.** Вся наличная литература, связанная с предметом анализа, привлекается ниже при этимологической процедуре. **Материалом** для исследования послужили диалектная лексика, а также историческая ономастика славянских языков, способные в совокупности дать более полное представление о географии анализируемых явлений, их относительной хронологии. **Методы исследования** – этимологический, сравнительно-исторический, метод реконструкции.

Анализ материала и результаты

1. Широкий диапазон возможностей славянского морфологического словообразования в ряде случаев обусловлен тесной связью процессов деривации с явлениями фонетического порядка, возникшей ещё в раннем праславянском. Эта связь оказалась актуальна и позднее – в период раздельного

существования славянских языков, сохранивших праславянские потенции расширения структуры слова, которые в диалектах проявились уже в новых фонетических условиях с использованием нового материала (ср., напр., вокализацию g-протезы и дальнейшее употребление её уже как приставки в: Петлева, 1979: 33; Гліаді, 2001: 119). Здесь мы рассмотрим случай со вставным -d-/-d-, которое часто присоединяется к основам существительных муж. и жен. рода с конечными сонантами -n и -r (реже -к -l, ср. рус. *бакалда* 'небольшой залив; яма, наполняемая водой по весне' наряду *сбокал* 'рытвина на дороге', укр. *бакаль* 'озеро' (Трубачёв, 1974, 1: 143). Тут оно сперва, видимо, выполняло функцию экспрессивной эпентезы, как в случаях со *свинус* > *свин-т-ус*, *немырь* > *нем-т-ырь*, но из-за регулярности появления в одной и той же позиции очень быстро вышло за рамки фонетического явления и стало словообразующим средством. Сказанное о природе и статусе -d-/-d- может быть проиллюстрировано следующими примерами:

хорв. *Ivánda* – совр. фамилия (Simunović, 1985: 251) ~ *Ivan*;

чеш. *Janda* – деминутив от календарного антропонима *Jan*;

чеш. *Klimenda* – личное имя (Benes, 1962: 83), в котором конечное -da возникло по аналогии с формами типа *Janda*, *Standa*, заменив исконное -t в крестном имени *Klement*, *Kliment*;

чеш. морав. *Kulda* – личное имя < *Mi-kulda* – народная форма к *Mikulas* (Machek, 1968: 152: со ссылкой на В. Шмилауэра), в связи с чем выглядит сомнительным толкование чеш. *Kulda* как продолжения псл. **kьlda* (~ и.-е. **(s)kel-* 'гнуть, изгибать; крутить, вертеть, поворачивать'; Козлова, 1992: 105; Казлова, 2003: 143);

чеш. *Standa* – гипокористик от слав. языческого имени с препозитивным **stani-* (**stani-mirь*, **stani-slavь*);

чеш. *Zacharda* – личное имя (Benes, 1962: 82) ~ рус. *Захар*, *Захария*, укр. *Захарій*;

слвц. *sopl'anda* 'сопливая девчонка' ~ *sopl'ana* 'тоже', и оба слова входят в словообразовательную цепочку, первым звеном которой является пейоративное *sopl'ana* 'тоже' (Коллар, 1976: 476);

пол. *Maszynnda* ~ *Maszyna* – совр. фамилии (Slowniknazwisk, 2003: 6956);

ст.-пол. *Sucharda* (?): Nicolaum *Sucharda* (под 1483 г.; Slownik staropolskich nazw, 1977: 242), пол. *Sucharda* – совр. фамилия ~ *Suchar*, *Suchara* – совр. фамилии (Slownik nazwisk, 2003: 10844). Хотя выделение суфф. -d- впол. *Sucharda* несколько усложняется существованием французской фамилии *Suchard* (= *Сушард*), перенесённой в Польшу эмигрантами и в духе народной этимологии соотнесённой на местах со слав. **sux-arь/-ь* (фр. диграф *ch[s]* в польской графике удачно прочитывается как слав. [x]), все же определение -d- как форманта весьма вероятно, тем более, что аналогичная структура отмечена в укр. диал. *сухарда* 'сухоребрый конь' ~ *сухар* (см. ниже);

ст.-рус. волог. *Гридин* Иван Данилов, 1795 г., где производящее для фамилии на -инличное имя *Гридя* < *Григорий* (Чайкина, 1995: 28), росл. Шаховский Фила *Гридинь* сын (Княз. и царск. грамоты б). Пример, обособленный среди слов рассматриваемого структурного типа, поскольку -d- здесь примыкает не к основе на сонант, а к вокалическому «исходу», посему может оказаться не суффиксом, а фонетической мутацией исконного звука [z], смягчённого в

гипокористической форме **Гризя* [**Григ'а*] подобно иным согласным и сонантам в сокращённых именах, ср. *Богдан* > *Бодя*, *Николай* > *Колья*, *Анатолий* > *Толья*, *Василий* > *Вася*, *Иван* > *Ваня* и пр. Палатальный [z'] здесь не удержался, изменившись в [d'] согласно известному славянской диалектной фонетике переходу *k' g' > t', d'*;

рус. диал. новг. *дурáнда* 'дурак, дура' (Филин, Сороколетов, 1972, 8:264) ~ новг. *дурáндя* 'дурак, дура' (Филин, Сороколетов, 1972, 8:264);

рус. простореч. и диал. *дурьнда* 'дурак, дура' ~ простореч. и диал. *дурьня* 'то же';

рус. (стар.) диал. **Иванда* – личное имя, от которого образовано название деревни *Ивандино* в Нерехотском уезде бывшей Костромской губернии (Костромская губерния, 1877: 291). Антропоним являет пример гипокористической деривации от крестного имени *Иван*, как и в следующих гипокоризмах: хорв. *Ivánda*, чеш. *Janda* (см. выше), укр. закарп. *Йáнда* (см. далее). Интересно в связи со сказанным отметить личные имена типа чуваш. (стар.) *Иванда*, XIX в. (Магницкий, 1905: 40) ~ рус. *Иван*, которые могут оказаться заимствованными из русской диалектной речи в процессе длительного взаимодействия двух народов;

(произв.) рус. диал. твер., пск. влад. *кривандас*, *кривондас* 'о кривом (косоглазом или хромом человеке)', 1858 г., твер., пск. 'кривляка, ломака', 1858 г. (Филин, Сороколетов, 1979, 15:241), *Кривандина* – назв. двух сел в Романово-Борисоглебском уезде, XIX в. (Барсов, 1873: 154) < **кривон-да*, **криван-да* (относительно потенциальности производных с суфф. -ан-, -он- от основы **kriv-* ср., напр., пол. *Krzywania*, *Krzywon* – совр. фамилии; S?owniknazwisk, 2003: 5770, 5774). Ср. с материально тождественной основой укр. диал. одес. *кривондяка*, *кривондяга* 'хромой, безногий, безрукий' (Етимологічний словник, 1989, 3:88);

ст.-рус. волог. *Лупандины* Иван, 1711 г., Петр Никифоров с. Фамилия выводится из прозвища *Лупанда*, ср. в говорах (вят., волог.) *лупанда* 'толстая, неповоротливая, ленивая женщина' или (влад.) *лупанда* 'пучеглазый человек' (Чайкина, 1995: 58). Мы не располагаем «чистой» производящей формой м. р. на -ан-, но можем указать на производную с суфф. -к-, ср. рус. *лупáнка* (говоры Киргизии) 'лупоглазая женщина' (Филин, Сороколетов, 1981, 17:198);

укр. диал. зап.-полес. *великдá* 'человек высокого роста' (Аркушин, 2000:47), (произв.) зап.-волын. *великдán* ирон. 'подросток высокого роста' (Корзонюк, 1987: 85), (Нижнее Поднепровье) *великдón* 'великан', зап. *велидán* 'т. с.' (Етимологічний словник, 1982, 1: 346: к *великий* без комментария структуры) ~ *великий*;

укр. *дурíнда* 'обман' (Етимологічний словник, 1985, 2:147: *дур*) ~ **дурина*;

укр. диал. зап.-полес. *кривиндá* 'прихрамывающий человек', 'тот, у кого кривые ноги' (Аркушин, 2000:252) ~ *кривинá* 'кривизна';

(произв.) укр. диал. одес. *кривондяка*, *кривондяга* 'хромой, безногий, безрукий' (Етимологічний словник, 1989, 3:88). Ср. рассмотренные выше рус. диал. *кривандас*, *кривондас* 'о кривом (косоглазом или хромом человеке)' и 'кривляка, ломака', *Кривандина* – ойконим < **кривон-да*/**кривон-дя*, **криван-да* (с основой **kriv-*) ~ пол. *Krzywania*, *Krzywon* – совр. фамилии (Slowniknazwisk, 2003: 5770, 5774);

укр. диал. (Нижнее Поднепровье) *кривундя* 'косоглазый человек' (Чабаненко, 1992, 2: 216), *кривунда* 'то же' (Етимологічний словник, 1989, 3:88) ~ рус. диал. *кривун* 'одноглазый человек' (Филин, Сороколетов, 1979, 15:251), сюда же произв. диал. зап.-полес. *кривундяка* 'тот, у кого кривые ноги' (Аркушин, 2000:253);

укр. **липан-* (> *липандя), потенциально существовавшее (или существующее) в укр. диалектах с учетом регистрации в них форм типа бойк. *lipándиця* 'живица, смола' (Етимологічний словник, 1989, 3:238: *lipnúти*);

укр. диал. (Нижнее Поднепровье) *ляпарда* 'болтун' (Чабаненко, 1992,2:264) ~ *ляпар<*ляпати* 'говорить некстати, глупо' (ср. *писати*>*писар*);

укр. закарп. *сл'ітєнда* (Чучка, 1970: 68) ~ рус. пск. *слєпень* 'слепой или плохо видящий человек' (Филин, Сороколетов, 2004,38:262);

укр. диал. *сухарда* 'сухоребрый конь' в (Шульгач, 2008: 128) используется как апеллативная опора для восстановления некоего псл. *sokьrda. Такое толкование представляется явно натянутым, т. к. в слове без труда распознаётся очевидное производное с диал. экспрессивным суфф. -d- от *сухър*, ср. приведенные выше пол. *Sucharda* – совр. фамилия ~ *Suchar*, *Suchara*;

(произв.) укр. диал. *чуприндір* 'тот, у кого вихор, хохолок', *чуприндій* 'хохлатый жаворонок' в литературе объективно правильно даются среди производных от *чуприна* 'чуб, вихор, хохолок' (Етимологічний словник, 2012, 6:356, 357), однако функция и генезис -d- при этом не объясняются;

укр. закарп. личные имена (народные варианты календарных антропонимов) *Іринда*, *Маринда*, *Оленда*, *Фенд'а*, а также *Йанда*, *Станда*, связанные с чеш. гипокоризмами типа *Janda*, *Standa* (Чучка, 1970: 68, 76: с указанием на былое распространение аналогичных имен в других регионах Украины, согласно В. Симовичу) ~ *Ірина*, *Олена*, *Феня* и др.;

укр. лемк. личное имя *Каспирда* при вариантах *Каспер*, *Каспар*, *Каспра*, *Касприк*, *Каспрович* (Панцьо, 1995: 105);

укр. *Яцунда* ~ *Яцун* – совр. фамилии.

В ряде случаев можно наблюдать действие модели с инновационным пейоративным формантом *-enda*, выделенным из слов, где *-da* присоединилось к основе с конечным сегментом *-en*, ср.: хорв. *Lukenda*, *Pilipenda* – фамилии (Simunovic, 1985: 251) <*Luka*, *Pilip*.

Вспомним ещё один интересный случай с *-da*, где этот формант оформляет экспрессивное сокращение от *скелет*, а именно – укр. н.-поднепр. *скільда* ирон. 'очень худая женщина (девушка)' при *скілетина* ирон. 'тоже' (Чабаненко, 1992,4: 72, 73).

2. Структурное многообразие славянского слова – традиционный и очень сложный предмет описания во многих сравнительных грамматиках и специальных исследованиях по истории славянского морфологического словообразования как в праславянском, так и в отдельных славянских языках. Полуторавековой опыт системного обзора славянской аффиксации дал науке фундаментальные труды Ф. Миклошича, В. Вондрака, А. Байца, В. Кипарского, Ф. Славского, В. Борыся, Х. Ожеховской, В. Кипарского, С. Б. Бернштейна, И. М. Железняк, Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркиной, Ю. С. Азарх, без обращения к которым трудно представить сколько-нибудь серьёзное исследование по славянской (и не только) этимологии, исторической грамматике и диалектному словообразованию. Но вводимая в практику

диалектная лексика время от времени обнаруживает ранее не попадавшие в поле зрения дериватологов формативы и побуждает к детальному изучению их генезиса, валентности, словообразовательной семантики. Разумеется, заключению об их статусе как самостоятельных словообразующих средств предшествует процедура проверки. В настоящей заметке мы бы хотели привлечь внимание к лексической группе с однотипным исходом, который, вполне вероятно, был отчуждён здесь как суффикс, использованный для именной деривации в диалектах.

Речь идет о модели с суффиксальным формантом *-ом(a)/-омля*, отчётливо выделяемым в словах с прозрачным морфемным швом: тут он следует за корнем, потому ничем иным, кроме как суффиксом, быть не может. Речь идёт о такой диалектной лексике, как рус. *луко́ма*, *сыро́мка*, *сиромá*, укр. *сирóма*, *сухомл'а*, *старóмл'а*, блр. *сыромля*, серб. *Golum* и пр. Оговоримся, что большинство топонимов с исходом на *-омля* не входят в этот структурный ряд, будучи суффиксальными посессивами на *-ja* от гипокористических форм двусосновных антропонимов с постпозитивными *-myslь*, *-mirь* или *-milь* (ср. *Радо-мысль*>*Радомь*>*Радом-ja*>*Радомля*).

Лексика указанного типа потенциально делится на две категории. К первой отнесём:

рус. диал. север. *луко́ма* 'извилина, изгиб оврага' (Филин, Сороколетов, 1981, 17:191) ~ рус.-ц.-сл. лужки, прилаг. 'расположенный в излуине реки, на берегу морского залива' (Трубачёв, 1990, 16:148: *локъ);

укр. диал. *блиго́м*, *блиго́мий* 'близкий' – фонетически вторичные формы к *близо́мий* 'то же' (Словарь, 1907: 73) ~ **blizь(jь)*.

Эти производные явно соотносительны с бессуффиксными прилагательными *лужкий* и *близий* (*блигий*), но современной славянской деривации имён подобные деадъективы не известны, потому напрашивается мысль о сохранности в диалектном вокабулярии словообразовательных архаизмов праславянского возраста, произведённых по утраченной модели с суфф. *-ом-*. Гипотетически слав. *-о-т-* может восходить к и.-е. форманту суперлатива *-т-* (ср. древнейшие дериваты и.-е. **gol-oi-mo-*, итальяск. **val-ai-to-*; Трубачёв, 1979, 6:203), который некоторое время сохранял активность в славянских, иранских, а также индоарийских диалектах, ср. для последних примеры типа иран. **сарата-* 'последний; далёкий; находящийся с краю', др.-инд. *сарата-* 'последний, самый незначительный' (превосх. ст. от утраченной основы) < и.-е. **k^wel-* 'удаленный, далекый' (Расторгуева, Эдельман, 2003:231).

Попытке истолковать рус. *лукома* как псл. причастие праes. pass. *lokotь к *lokati или **lokt'i* (так см.: Казлова, 2002: 203, 204) противятся как отсутствие каких-либо следов атематического глагола, так и вторичный, десубстантивный характер *lokati, производного от *локъ. Напротив, производящее *локъ в адъективной функции (ср. выше рус.-ц.-сл. лужки) вполне было способно образовать диал. форму превосходной степени на *-ом-* 'наиболее изогнутый', как и в случае с **blizь(jь)*>**blizotь(jь)* 'самый близкий'. Есть ещё два важных нюанса: 1) пассивным презентным причастием от *lokati было бы *lokajetь, а не *lokotь; 2) специфическая семантика *lokati отсылает к стрельбе из лука, метанию снаряда из пращи (см.: Трубачёв 1990, 16: 142–143), что исключает развитие у *lokotь географического значения. Но элемент *-ома* всё же можно

связывать с суффиксом причастий, если видеть в *-ома* форматив, полученный из партиципиальных основ на *-о-т-* и далее использованный вне системы от глагольной деривации как функционально близкий адективным суффиксам, см. об этом уже в «Исторической грамматике чешского языка» Я. Гебауэра (Gebauer, 1958: 92–93). Ср. аналогичный по происхождению и функции лит. неосуффикс *-umas* (*-u-mas*), редко употребительный в сфере отымённого словотворчества, напр., в *báltymas* < *báltas* ‘белый’, выделенный из структур типа *pudyumas* < *pudyti* и др. (Smoczyński, 2007: 45: *baltymas*). Вопрос о том, имела ли место контаминация двух формантов, или же слав. рефлекс *superlat.* и. -е. *-т-* приобрёл о из-за сближения содержащих его слов с причастиями, остается открытым, но оба этих фактора могли быть причиной сохранения словообразовательной модели с *-т-* на периферии славянского языкового пространства вплоть до нашего времени.

С другой стороны, ввиду очевидной корреляции корневых адективов и deadективных образований типа рус. сырой : сырота : сыромень следует выделить вторую категорию, которой принадлежат слова, где ауслат *-ом(а)*, *-омля* – результат усечения древнего суффикса существительных *-тан-*, *-тен-*, *-тно-* (напр., **gol-o-tenъ*, ср. вариантное для вост.-сл. форм **gol-men-*; Трубачёв, 1979, 6:208–210). Ср. близкий случай в парах **lax-танъ* : **lax-ту*, **lox-танъ* : **lox-та*, где суфф. исход *-т-* восходит к более древнему *-тен-* (Трубачёв, 1987, 14:17–18; 1988, 15:250, 252–253). Как правило, усечённая форма сосуществует сполной, но уже не осознаётся как вторичная по отношению к ней, и всё, что их связывает, это ощущение общего корня. Примеры:

рус. южн., зап. *сиромá* ‘бедный, небогатый человек’ (Филин, Сороколетов, 2003, 37:348), укр. *сірома* ‘бедняк’, диал. *сирóмá* ‘беднота’ (Етимологічний словник, 2006, 5:257: без объяснения *-ома*) с тем же корнем, что и вст.-сл. сирь ‘осиротелый’, ‘сирота’, чеш., слов. *sírů* ‘сиротливый, осиротевший’, рус. *сирый* < **sírъ* (Фасмер, 1987: 627), при рус. диал. южн., зап. *сиромáнецъ* ‘бедный, небогатый человек’ (Филин, Сороколетов, 2003, 37: 348), укр. диал. *сіромáнець* ‘простой крестьянин, бедняк’, *сиромáнка* ‘осиротевшая бедная женщина’ (Етимологічний словник, 2006, 5: 257). Единицы вроде рус. диал. южн. *сиромáха* ‘ребёнок, оставшийся без одного или обоих родителей, сирота’ (Филин, Сороколетов, 2003, 37: 348), укр. диал. *сиромáха* ‘бедняк’, болг. *сиромáх*, макед. *сиромав*, серб., хорв. *сиромáх*, словн. *siromak* ‘то же’ (Етимологічний словник, 2006, 5: 257) и под. представляют итог переосмысления исконной (уже стёртой, затемнённой в некоторых диалектах) структуры под влиянием слов с суфф. *-ах-*, *-ак-*, т. е. *-тан-* > *-тан-* > *-тах-*, *-так-*. Иначе о болг. *сиромáх* и родственных формах см.: (Станков, 2012);

рус. диал. **сырома* в производном ворон. *сырómка* ‘о сыром, непропечённом продукте’, ‘не совсем пропечённый хлеб’ (Филин, Сороколетов, 2010, 43: 164), ряз. *Сыромля* – гидроним в бас. Оки (Смолицкая, 1976: 173) : ряз. *Сыроменка*, *Сыромня*, *Сыроменской* – гидронимы в бас. Оки (Смолицкая, 1976: 173). Очень показательный в плане эволюции морфологии слова пример, т. к. *сыромен-ка*, *Сыромля*, *Сыромля* – разные названия одного водного объекта, посему процесс порождения *-омля* прозрачен: *Сыро-мня*, *Сыро-мен-ка* > *Сыро-мля*;

блр. *сырómля* ‘сырое, мокрое (дрова, сено, солома)’, укр. полесск. *сырómл’а* ‘сырятина, нечто сырое?’ (Никончук, 1968: 90): ст.-рус. *Сыроменець*, 1623 г. –

название озера в р-не Москвы (Акты исторические, 1841, 3: 183) и др. (см. выше);

укр. диал. степн. *глухómля* ‘человек с плохим слухом’, ‘глухой’ (пример Т. В. Громко) : укр. одес., зап. *глухман* ‘глухой человек’ (Етимологічний словник, 1982, 1: 530), рус. диал. нижегор., свердл., волж. *глухмёнъ* ‘глухой, глуховатый человек’ (Филин, Сороколетов, 1970, 6: 214);

укр. полесск. *старомл’а* ‘ветошь, старьё’, ‘взрослый», рассудительный ребенок’ (Никончук, 1968: 90) ~ *старій* : блр. диал. *старман* ‘старый человек, старик’ (Чыгрын, 1979: 38);

укр. полесск. *сухомл’а* ‘худой, сухой человек’ (Никончук, 1968: 91) : укр. диал. *сухмёнъ* ‘сухость, засуха’, *сухмёня* ‘сухое место’ (Етимологічний словник, 2006, 5: 486), рус. диал. новг. *сухмёнъ* ‘о сухошавом, худошавом человеке’, яросл. *сухомёнъ* ‘пересохшая почва’, тамб. *сухóменный* ‘жаркий, засушливый (о времени года, погоде и т. п.)’, дон. *сухомáнь* ‘сухая жаркая погода, сушь’ (Филин, Сороколетов, 2010, 43: 6, 17, 18);

серб. *Golum* – название скалы < **Gòlom* ~ **golъ(jь)* ‘голый’ (*o>u* под влиянием следующего губного) : рус. диал. арх., беломор., пск., сев. и др. *гòлómёнь* ‘часть дерева, не имеющая сучьев, идущая на бревно’ (сев.-вост.), ‘открытое море, морская даль’ (Трубачёв, 1979, 6:209).

Славянские диалекты дают ещё примеры на *-ом(а)*, *-омля*, лишённые целью оформленных коррелятов. В этих случаях имеем полустёртые результаты сокращения основ на *-тан-*, *-тен-* : *-тно-* с дальнейшей грамматикализацией инновационного исхода, выделенного из содержащих его слов и воспринятого как новый формант. Ирония ситуации в том, что часто невозможно разграничить, когда лексика с *-ом(а)* показывает усечение указанного форманта, а когда воспроизводит старье суперлативы с суфф. *-т-* или же прилагательные с вовлечённым в сферудесубстантивного словообразования суффиксом причастий *-ом-*.

Выводы. Как можно было убедиться выше, славянская словообразовательная морфемика может поставить ещё много вопросов, ответы на которые напрямую сопряжены с решением частных проблем истории отдельных славянских языков, этимологией, морфологией праславянского слова и его эволюцией в письменную эпоху. Сама ситуация с исследованием в области славянской исторической и диалектной (преимущественно именной) деривации имён побуждает к более внимательному изучению целых рядов слов с одинаковой структурой. Практика показывает, что устоявшиеся взгляды на многие элементы структуры славянского слова время от времени нуждаются в пересмотре, ибо ставшие традиционными решения откровенно отстают от эволюции системы научных знаний, посему перспектива дальнейших исследований в заявленном направлении нам видится в этимологизации иных лексем, чья словообразовательная структура содержит рассмотренные элементы.

ЛИТЕРАТУРА

Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. С.-Петербург, 1841–1845. Т. I–V и Указатель.

Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок. Луцьк : Вежа, 2000. Т. 1. 353 с.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи. Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1873. 269 с.

Етимологічний словник української мови: в 7 т. / [за ред. О. С. Мельничука]. К.: Наукова думка, 1982–2012. Т. 1–6.

Гліаді О. І. Етимологічне гніздо з коренем *ver- у праслов'янській мові. К.; Кіровоград: ДЛАУ, 2001. 162 с.

Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель: ГГУ, 2002. Т. II. 264 с.

Казлова Р. М. Славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель: ГГУ, 2003. Т. III. 361 с.

Козлова Р. М. До етимології імені Аскольдъ (Аскольдь, Осколдь). Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. К.: Наукова думка, 1992. С. 102–113.

Коллар Д., Доротьякова В., Филкусова М. Словацко-руський словарь. М.; Братислава: SPN; Русский язык, 1976. 768 с.

Корзониюк М. М. Матеріали до словника західноволинських говірок. Українська діалектна лексика. К.: Наукова думка, 1987. С. 62–267.

Костромская губерния. Список населённых мест по сведениям 1870–72 годов. С.-Петербург, 1877. LXXIV, 465 с.

Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1905. Т. XXI. Вып. 3–4. С. 33–101.

Никончук Н. В. Из лексики полесского села Листвин. Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря. М.: Наука, 1968. С. 79–92.

Панцьо С. С. Антропонімія Лемківщини. Тернопіль: Тернопіль, 1995. 132 с.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике (болг. върне, с.-х. мукъив). Этимология 1977. М.: Наука, 1979. С. 33–38.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Восточная литература, 2003. Т. 2. 502 с.

Словарь української мови / [упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко]. К., 1907. Т. 1. 494 с.

Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озёр). М.: Наука, 1976. 402 с.

Станков Р. Этимологические заметки: болг. сиромах 'бедняк', сиромашия 'бедность'. Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М.: Нестор-История, 2012. С. 308–313.

Трубачёв О. Н. (ред.) Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / [под ред. О. Н. Трубачева]. М.: Наука, 1974–1990. Вып. 1–16.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина]. М.: Прогресс, 1987. Т. III. 832 с.

Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. (ред.) Словарь русских народных говоров / [под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова]. Л.; С.-Петербург, 1965–2019. Вып. 1–51.

Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпряниці. Запоріжжя: ЗДУ, 1992. Т. I–IV.

Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь. Вологда: Изд-во ВГПИ; Русь, 1995. 122 с.

Чучка П. П. Антропонімія Закарпаття (Вступ та імена): Конспект лекцій. Ужгород: УДУ, 1970. 103 с.

Чыгрын І. П. Яшчэ з лексікі нашай вёскі (Чамяры, Слоні́мскі р-н). Народная словатворчасць. Мінск: Навука і тэхніка, 1979. С. 30–40.

Шульгач В. П. Нариси з праслов'янської антропонімії. Частина 1. К.: Довіра, 2008. 413 с.

Benes J. O šeskych příjmeních. Praha: Československa Akademie věd, 1962. 356 s.

Gebauer J. Historická mluvnice jazyka ceskeho: Tvaroslovi (II Casovani). Praha: Československa Akademie věd, 1958. D. III. 555 s.

Machek V. Etymologický slovník jazyka ceskeho. Praha: Československa Akademie věd, 1968. 868 s.

Słownik nazwisk używanych w Polsce na początku XXI wieku / [oprac. K. Rymut]. Krakow, 2003 (електронная версия).

Słownik staropolskich nazw osobowych / [pod red. W. Taszyckiego]. Wrocław: PAN, 1977. T. V. 533 s.

Smoczynski W. Lietuviu kalbos etimologinis zodynas. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007. 823 s.

Simunovic P. Nasa prezimena: porijeklo – znacenje – rasprostranjenost. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1985. 366 s.

РОЗВІДКА ПРО СЛОВ'ЯНСЬКЕ СЛОВОТВОРЕННЯ

Олександр Гліаді

доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри методик дошкільної та початкової освіти Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка, Кропивницький, Україна
e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com
ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

АНОТАЦІЯ

У статті розглядаються дві словотвірні моделі, що функціонують у системі слов'янської діалектної деривації іменників: 1) -da, -anda, -enda, -inda, -onda, -unda, -ynda; 2) -om(a), -омля (востновному, східнослов'янському ареалі). Парадоксально, що в дослідженнях, присвячених словотвору іменників у слов'янському діалектному мовленні, ці суфіксальні словотвірні типи традиційно позбавлені уваги. Можливо, зазначені формативи не були виділені як самостійні засоби деривації через те, що слова, які їх містять, були віднесені до розряду експресивних лексем, яким уластиві фонетичні трансформації, що спричиняють відхилення в структурі, «мутації» ауслаута. Автор обґрунтовує генезис обох серій формантів морфологізацією фонетичних явищ, які, вийшовши за рамки діалектних звукових процесів, дістали статус словотвірних засобів.

Стосовно деяких похідних на -om(a) відзначається проблематичність розмежування випадків, де -om(a) демонструє січення зазначеного форманта, і прикладів збереження старих суперлативів із суфіксом -m- або ж прикметників із уведеним площину десубстантивного словотворення суфіксом дисприкметників -om-.

Ключові слова: суфікс, словотворення, слов'янський, діалект, дериват.

ANOTE ON SLAVIC WORD-FORMATION

Alexander Iliadi

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Methods of Preschool and Primary Education at Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University, Kropyvnytskyi, Ukraine
e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com
ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

SUMMARY

The paper focuses two word-formation models, functioning into the system of Slavic dialect derivation of nouns: 1) -da, -anda, -enda, -inda, -onda, -unda, -ynda; 2) -om(a), -omly (mainly attested in the East Slavic area). Ironically, these suffixing word-formation models traditionally are ignored by authors of studies, dedicated to the derivation of nouns in Slavic dialect speech. Perhaps, above-mentioned formatives were not classified as separate means of derivation for a reason of including words with these suffixes in the category of expressive lexemes (such words are characterized by phonetic transformations resulting in the deviation of word-building structure, «mutation» of the end of the word). The author explains genesis of both series suffixes as morphologization of phonetic phenomena, which, have going beyond dialect sound processes, became separate word-building means.

With regards to some derivatives with -om(a) is stressed, that it is the difficulty to distinguish cases, where -om(a) shows clipping of mentioned suffix, and examples of ancient superlatives containing suffix -m- or adjectives, derived by means of participle suffix -om- involved into the system of desubstantive word-formation.

Key words: suffix, word-formation, Slavic, dialect, derivative.

REFERENCES

- Akty istoricheskie (1841–1845.). [Historical Acts]. S.-Petersburg. T. I–V and Index [in Russian].
- Arkushyn G. L. (2000). Slovnyk zakhidno polis'kykh govirok [Dictionary of Western Polesye Dialects]. Luts'k : Vezha. T. 1 [in Ukrainian].
- Barsov N. P. (1873). Ocherki russkoy istoricheskoy geografii [Essays on Russian Historical Geography]. Warsaw [in Russian].
- Etymologichny slovnyk ukrayins'koyi movy (1982–2012). [An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Kiev : Naukova dumka. T. 1–6 [in Ukrainian].
- Iliadi A. I. (2001). Etymologichne gnizdo z korenem *ver- upraslovyans'kiy movi [Etymological Cluster with the Root *ver- in Proto-Slavic Language]. Kiev ; Kirovograd : DLAU [in Ukrainian].
- Kazlova R. M. (2002). Belaruskaya i slav'anskaya gidranimiya. Praslav'anski fond [Belarusian and Slavic Hydronymy. Proto-Slavic Stratum]. Gomel' :GGU. T. II [in Belarusian].
- Kazlova R. M. (2003). Slav'anskaya gidranimiya. Praslav'anski fond [Slavic Hydronymy. Proto-Slavic Stratum]. Gomel' :GGU. T. III [in Belarusian].
- Kozlova R. M. (1992). Do etymologiyi imeni Askolodъ (Аскольдъ, Осколдъ) [On the Etymology of Name Askolodъ (Аскольдъ, Осколдъ)]. Onomastyka Ukrainy pershoho tys'acholitt'a nashoyi ery – Onomastic of Ukraine of the First Millennium AD. Kiev : Naukova dumka, 102–113 [in Ukrainian].
- Kollar D. (1976). Slovatsko-russkiy slovar? [Slovak-Russian Dictionary]. Moscow ; Bratislava : SPN ; Russkiy yazyk.
- Korzon'uk M. M. (1987). Materialy do slovnyka zakhidnovolyn's'kykh hovirok [Contributions for Dictionary of Western Volyn Dialects]. Ukrayins'ka dialektna leksika – Ukrainian Dialect Lexics. Kiev : Naukova dumka, 62–267 [in Ukrainian].
- Kostromskaya gubernia (1877). Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1870–72 godov [Kostroma Province. The List of Settlements]. S.-Petersburg [in Russian].
- Magnitskiy V. K. (1905). Chuvashskie yazycheskie imena [Chuvash Pagan Names]. Izvestia Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii – Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography. Kazan'. T. XXI. Vol. 3–4, 33–101 [in Russian].
- Nikonchuk N. V. (1968). Iz leksiki poleskogo sela Listvin [From the Vocabulary of Polesye Vilage Listvin]. Leksika Polesya – Polesye Lexics. Moscow : Nauka, 79–92 [in Russian].
- Pants'o S. Ye. (1995). Antroponimia Lemkivshchyny [Anthroponymy of Lemkovshchyna]. Ternopil' : Ternopil' [in Ukrainian].
- Petleva I. P. (1979). Etimologicheskie zametki po slav'anskoy leksike [Etymological Notes on Slavic Vocabulary]. Etimologia 1977 – Etymology 1977. Moscow : Nauka, 33–38 [in Russian].
- Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. (2003) Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Moscow : Vostochnaya literatura. T. 2 [in Russian].
- Slovar' ukrayins'koyi movy (1907). [Dictionary of the Ukrainian language]. Kiev. T. 1 [in Ukrainian].
- Smolitskaya G. P. (1976).Gidronimia basseyna Oki [Hydronymy of Oka Basin]. Moscow : Nauka [in Russian].
- Stankov R. (2012). Etimologicheskie zametki [Etymological Notes]. Slav'anskoe i balkanskoe yazykoznanie – Slavic and Balkan Linguistics. Moscow : Nestor-Istoria, 308–313 [in Russian].
- Trubachev O. N. (ed.) (1974–1990). Etimologicheskii slovar' slav'anskikh yazykov [An Etymological Dictionary of Slavic Languages]. Moscow : Nauka. Vol. 1–16 [in Russian].
- Vasmer M. (1987). Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Russisches etymologisches Wörterbuch]. Moscow : Progress. T. III [in Russian].
- Filin F. P., Sorokoletov F. P. (eds.) (1965–2019). Slovar' russkikh narodnykh govorov [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad ; S.-Petersburg. Vol. 1–51 [in Russian].
- Chabanenko V. A. (1992). Slovník hovirok Nyzhn'oyi Naddnpr' anshchyny [The Dictionary of Low Dnieper Region Dialects]. Zaporizhzh'a : ZDU. T. 1–IV [in Ukrainian].
- Chaykina Yu. I. (1995). Vologodskie familii: Etimologicheskii slovar' [Vologda Surnames: Etymological Dictionary]. Vologda : VGPI ; Rus' [in Russian].
- Chuchka P. P. (1970). Antroponimiya Zakarpatt'a [Anthroponymy of Transcarpatia]. Uzhhorod : UDU [in Ukrainian].

- Chygryn I. P. (1979). Yashche z leksiki nashay veski [From the Vocabulary of our Village]. Narodnaya Slovatvorchasts' – Folkword-formation. Minsk : Navuka i tekhnika, 30–40 [in Belarusian].
- Shul'hach V. P. (2008). Narisy z praslovyans'koyi antroponimiyi. Ch. 1 [Essays on Proto-Slavic Anthroponymy]. Kiev : Dovira [in Ukrainian].
- Benes J. (1962). O ceskych prijmenich. Praha : Ceskoslovenska Akademieved [in Czech].
- Gebauer J. (1958). Historicka mluvnice jazyka ceskeho: Tvaroslovi (II Casovani). Praha : Ceskoslovenska Akademieved. D. III [in Czech].
- Machek V. (1968). Etymologicky slovník jazyka ceskeho. Praha : Ceskoslovenska Akademieved [in Czech].
- Slovník nazvisek užívaných w Polsce na początku XXI wieku (2003). Kraków [in Polish].
- Slovník staropolských názv osobových (1977). Wrocław etc. : PAN. T. V [in Polish].
- Smoczyński W. (2007). Lietuvių kalbos etimologinis žodynas. Vilnius : Vilniaus universitetas [in Polish].
- Simunovic P. (1985). Nasa prezimena: porijeklo – znacjenje – rasprostranjenost. Zagreb : Nakladni zavod Matice hrvatske [in Serbian].

Стаття надійшла до редакції 12.04.2021